Детектив в пути

Автор:
Татьяна Устинова

Детектив в пути

Татьяна Витальевна Устинова

Дарья Александровна Калинина

Марина Крамер

Галина Владимировна Романова

Инна Юрьевна Бачинская

Анна и Сергей Литвиновы

Великолепные детективные истории

Где еще действие развивается так стремительно, сюжет делает такие головокружительные повороты, а развязка наступает так внезапно? Конечно, в детективном рассказе! И вот перед вами новый сборник, в который вошли произведения признанных мастеров криминального жанра – Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Галины Романовой, – а также других талантливых авторов. В каждом рассказе – своя загадка, своя интрига, своя головоломка. Попробуй их распутать, попутно совершив увлекательное виртуальное путешествие!

Сборник

Детектив в пути

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Инна Бачинская. Любовь, обман и экзотика

Отправимся, о душа, в Индию! Там оживают мифы Азии и древние сказки…

Уолт Уитмен

Отправимся в Индию

Трещат сосновые дрова, распространяя пряный запах смолы; пламя вырывается за решетку камина – от него идет тепло, и дерганый красноватый свет наполняет комнату. Люстра не горит; на журнальном столике, кривовато сбитом из старых досок в стиле рустик, стоят открытая бутылка красного, бокалы и глубокая тарелка с крупно нарезанным ананасом. Аромат смолы смешивается с запахом ананаса и тонким, чуть кисловатым винным в невероятно приятный носу коктейль. Уюта добавляют завывание ветра и малиновые, постепенно гаснущие блики заката в окне. Весь день барабанил снег с дождем, а под вечер вдруг ударил морозец, поднялся ветер, и пробились сквозь морок закатные сполохи. И сразу чувство уюта… хорошо! Да, еще маленькая сизая елочка у окна, с единственным золотым шаром. Причем живая, в кадке, в роли домашнего цветка. Новый год все-таки.

В выключенной духовке доходит до полной готовности блюдо с экзотическим названием бирьяни. Снег, ананас, бирьяни и тринадцатое января на календаре…

Что бы это все значило, возможно, спросит читатель. И ответит сам себе, загибая пальцы: во-первых, старый Новый год; во-вторых, романтик ждет любимую женщину или, наоборот, романтически настроенная женщина ждет любимого мужчину; в-третьих, мизантроп собирается отмечать сам, а три бокала на кривом столике – для дополнительной радости, как напоминание, что никто не припрется! Тем более в один из бокалов налито вино, и он, хозяин, время от времени меж домашних забот делает глоток-другой. Больше никаких интересных мыслей.

На самом деле ни то, ни другое, ни третье. На самом деле мужчина, далекий от романтики, приземленный реалист и где-то циник, ожидает друзей на ужин. То, что при свете камина – никакая не романтика, а досадная случайность, из-за перегоревших пробок. Вырубило буквально пару часов назад, угораздило же! Вот так и получилось. Часто мы неверно толкуем происходящее и смыслы: смотрит печально, глазки опущены, общая интересная бледность… ах, что же случилось? Несчастная любовь? Ограбили? Выгнали с работы? На самом деле болит живот.

Не тот Дима Щука человек, чтобы гулять на старый Новый год при свете камина! Как художник, он любит, когда много света. Нет, оно бы и ничего раз в году, но все-таки темновато, особенно на кухне, куда свет от камина добивает слабо, – все летит на пол, рассыпается и хрустит под ногами, отчего идет мороз по коже. А свечей нет, никто не предполагал и не закупил, приходится действовать с фонариком, а он старый, и его нужно все время трясти, чтобы оживить батарейку. Хорошо все-таки, что есть камин! Гордость Димы и мечта всей его жизни. Последнее с себя снял, образно выражаясь, и отдал! Хорошо, что в лесу полно дров.

Дима живет на краю Ельницы, одичавшего лесопарка, который постепенно застраивается коттеджами и виллами. Цена на землю запредельная, а ему обломилось почти задаром. Махнулся с гражданской женой: ей Димина двушка в центре, ему развалюха ее покойной бабушки. Они продержались вместе полтора года, большой срок для художника, ведущего богемный образ жизни. Да и то исключительно благодаря терпению и добродушию этой женщины – она все надеялась воспитать из него примерного мужа, который ночует дома, носит тапочки с помпонами и не спит до обеда.

Богемный… Что представляет себе читатель, когда слышит про «богемный образ жизни»? Ну, как водится, оргии, тройки с бубенцами, шикарные женщины, лиловые негры, Париж… каждый – свое, вспоминая иностранных классиков. Это не про Диму. Дима Щука – фамилия такая, если что, – прост как лопата и незатейлив как грабли. Ходит в растянутом свитере и потертых джинсах, так как ему плевать на внешний вид; непредсказуем и на окружающую действительность смотрит с точки зрения цвета и формы. Причем при виде чего-то интересного уставится, замрет, даже рот раскроет, а пальцы уже ощущают кисть. Еще добавить сюда громкий, сиплый, очень неприятный голос, особенно при волнении, тем более никаких сдерживающих центров – выбрасывание всего, что в мыслях.

Все это производит странноватое впечатление на тех, кто мало знаком с Димой, а те, кто знаком хорошо, не обращают внимания, потому что парень он добродушный, незлой и хороший товарищ. И художник отличный, можно сказать. Женщины его любят, так и летят как пчелы на мед, строят планы при виде простецкой Диминой физиономии. А все почему? Да потому, что Дима красив, этого у него не отнять. Рост, разворот плеч, локоны, глаза цвета болотного мха, метровые ресницы, бровка играет… как взглянет исподлобья и усмехнется… а-а-а! Причем без всякого умысла с его стороны, он даже не подозревает! А сердце замирает, и руки сами тянутся схватить и оставить себе. Но потом начинаются неожиданности…

Да, так о чем мы? Поменял свою двушку в центре на старый перекошенный домик Бабы-яги, чудом не падающий под снегом или в непогоду. Но… лес вокруг! Одичавший сад с корявыми яблонями и булькающим ручьем, а под самым раскидистым деревом полянка-пятачок с ландышами! Диме повезло – они разбегались весной, и бедная женщина, ни на что не надеясь, предложила ему съездить посмотреть на дом…

Дом! Громко сказано. Дима поехал, исключительно чтобы напоследок сделать ей приятное, а еще не сумел убедительно отбрыкаться. Был конец мая, вечерело, из леса тянуло сыростью и прохладой; он споткнулся на неровной веранде, заглянул в трухлявые сенцы, стукнувшись головой о низкую притолоку; постоял посередине комнаты с кривыми стенами и тусклыми оконцами. Потом зашел за… дом, с позволения сказать, встал там, озираясь, и тут вдруг… о чудо! – упоительно-сладкий зеленый дух цветущих ландышей накрыл его с головой. У него даже слезы навернулись и мороз по коже… аллергия, не иначе. Он стоял и вдыхал… вбирал в себя дух ландышей, а слух уже различал плеск ручья, писк потревоженной птицы, шорох листьев…

…Дима открыл духовку и вытащил чугунный казанок. Приподнял крышку, заглянул, потянул носом и решил, что бирьяни готово… или готов – черт их разберет, эти лексические заимствования. Выключил газ. Зачерпнул ложкой, попробовал, охнул и зашипел – горячо да и перец! Потом разложил на журнальном столике сувениры и кипу рисунков, сел на диван, отпил из бокала и принялся ждать гостей.

Он задремал, и перед мысленным взором замелькали немые картинки, как в слайдоскопе: клац, клац, клац…

Клац! Сползание по трапу на полусогнутых в ослепительное солнце, море света, незнакомые запахи и горячую парниковую влажность. Белозубая улыбчивая красотка-таможенница в белом сари с золотыми погонами; он сам с открытым ртом, застывший, потрясенный; возвращающий в реальность тычок Артура в спину…

Клац! Мгновенный холод аэропортовского павильона, сумасшедшие запахи благовоний – ванили и сандала, пестрый человеческий рой, смуглые усачи в военной форме с золотыми аксельбантами, шлепок штампа в паспорт. Слезы восторга и шмыгание носом от обилия впечатлений…

Клац! Толпа встречающих, гид, небольшой, очень смуглый, в белом костюме и черном тюрбане, с плакатом, где перевранная до полной нечитаемости фамилия: «Mr. Golyvayts» вместо Головатый. Дима ухмыльнулся во сне…

…Разбудил стук в дверь – звонка не было, и вешать Дима не собирался, так как его эстетическое чувство восставало против искусственных звуков в природной среде, как он объяснял тем, кто спрашивал. Самое главное в его жизни – камин, а еще студия, пристроенная с восточной стороны, почти полностью стеклянная, а щелястые окна, волнистая крыша, скрипучий гуляющий пол – так не суть. Не нравится – не смотрите. Тем более звонок!

Он открыл. Это были Эля и Лапик, ожидаемые друзья. Эля в шубке и белой вязаной шапочке с помпоном, денди Лапик в дубленке и клетчатом кепи. Ну, как водится, радостный визг Эли насчет Диминого загара, общего возмужания, выгоревших локонов и белой ситцевой туники с разрезами, расшитой по вороту золотыми восточными узорами, с ситцевыми же штанами-алладинами, синими, в восточных огурцах. Лапик снисходительно улыбался…

Лапик – образец такта, выдержки и манер, и похож он на классического англосакса с английским юмором, в клетчатом кепи с ушами… у него даже трубка есть, хотя он не курит, – для имиджа. Достойнейший человек! Пять иностранных языков, интеллект, лоск… Переводчик. Они с Элей коллеги… гм… даже больше, правда, уже в прошлом. Сейчас просто друзья. У Лапика… – вообще-то он Леонид – семья, дети, жена… собака, наконец. А Эля – в вязаной шапочке с помпоном!

Правдоруб Дима однажды сказал, что она похожа на шкафную моль, понимай, такая же бесцветная, причем одежка в масть. Но человек хороший, гуманистка, подкидывает на приюты для бездомных животных. У Димы руки чешутся «накрасить ей физию»… Он так и говорит: «Эль, ну давай, а? Тени, чуток пастелью, задатки у тебя нормуль, выделим глаза, скулы… ну хоть разочек, а?» Но Эля только отмахивается. Кстати, Лапика Дима набросал на ходу, за пару минут: с большим аристократическим носом, иронически приподнятой бровью, в клетчатом кепи и с трубкой в зубах. Лапик поморщился, дернул бровью, но был польщен.

– Димыч, ну ты устроил! – иронически произнес он, стаскивая с Эли шубку. – Вот так, ни с того ни с сего, рвануть на край света! Но если честно, я тоже не отказался бы, и вообще…

– И я! – вылезла Эля. – А то этот снег с дождем достал уже! Там хоть тепло? Ты похудел, и загар шикарный! Одежда оттуда? Красивая туника! Штаны просто класс! А почему ты босиком? В Индии так ходят?

– Тепло?! – Дима захохотал. – Плюс пятьдесят и влажность сотка! Не, это я случайно. Один сандаль залетел под диван, не успел достать. Прошу! – Он сделал размашистый жест рукой. – Бирьяни ждет!

– Кто ждет? Ой, а почему темно? И чем это пахнет?

– Индийское национальное блюдо, – объяснил Лапик. – Вроде плова. Пахнет благовониями, вон дымится, видишь? В банке из-под майонеза. Действительно, а почему темно? Для романтики?

– Пробки вырубило, будем гулять с камином. Свечек тоже нету.

Лапик уселся на диван, рассмотрел три бокала и спросил:

– Нас трое? А Неда?

– Укатила к дойчам, там у нее сестра.

Неда – подруга Димы, они то разбегаются, то сбегаются…

– Ну и прекрасно, мы своей компанией, – сказала Эля. – Ой, ребята, я так рада! Димочка, ты какой-то другой, загорел… и эта туника! А штаны вообще отпад! Экзотика! И благовония, и ананас…

– Вы еще вместе? – спросил Лапик. – Интересный запах! Сандал?

– Сандал! Там везде палочки понатыканы, курятся из каждой щели. Сандал самый тонкий… до слез прошибает! Пока вместе… вроде бы. Не знаю, если честно.

– Не будем о грустном! – сказала Эля. – Можно мне вина? Ой, котик! Какой большой! Мой Атос тоже вырос. Гарфилд, кажется? – Она погладила кота, спавшего за подушкой. Тот проснулся, потянулся и полез к ней на колени.

– Ага, Филька. Гони его, он линяет! Брысь! – Кот и ухом не повел.

– Зимой?

– Все время. Витаминов, видать, не хватает. Купил ему рыбий жир – не пьет, зараза! Поцарапал, – Дима показал след на руке.

– Может, хватит? – не выдержал Лапик. – Рассказывай лучше про Индию! Кстати, там у тебя бутылки на веранде, забыл?

– Почти две недели в Индии! – вздохнула Эля. – Я бы не отказалась. Какие бутылки? Я не заметила.

– Не забыл, холодильник навернулся. Я бы еще остался, честное слово! Это абсолютно другой мир, опомниться не могу! До сих пор перед глазами! Заболел прямо.

– Лихорадкой? – испугалась Эля.

– Образно выражаясь, – пояснил Лапик. – Все, кто там был, мечтают вернуться.

– Я тоже мечтаю! Там такие краски, цветы… а женщины! В сари! Есть в европейских шмотках, но большинство в сари. Думаю, через год, сейчас лучшее

время, а то летом ливни. А это вам, сувениры!

Дима протянул одну из пестрых торб с журнального столика Эле, другую Лапику.

– Ой, спасибо! – вспыхнула Эля. – Что это? – Она достала из торбы бледно-голубую ткань, развернула и ахнула: – Платье?! Ты подарил мне платье? Какая прелесть! С вышивкой! Димочка, спасибо! – Она вскочила и расцеловала его.

Лапик меж тем вытащил из своей торбы бронзовую статуэтку танцующего божества.

– Шива Натараджа! Спасибо, Димыч! Прямо не знаю… угодил! То, что называется идеальный подарок! Поставлю у себя в кабинете. Как подумаешь, какая страшная древность… и до сих пор живо. Позы, танец… совершенство!

– Элька, надевай давай! – скомандовал Дима. – Увидел на манекене и подумал: как раз для тебя. Это их ткацкие промыслы, тонкий хлопок, расшитый шелком. На плечах бантики.

– Прямо сейчас?

– Ну! Иди в спальню!

Эля удалилась. Мужчины остались одни. Дима разлил вино.

– За возвращение!

Они выпили.

– Поверишь, я еще там, – сказал Дима. – Никак не привыкну… Это другая планета! В гостинице на нас надели гирлянды из желтых цветов, прикинь? Аж голова кругом. И женщины потрясающие! Идет… как натянутая струна! Гид сказал, генетика, привыкли таскать на голове тяжести. Походка… танцуют! В сари… как оно только на них держится! Пять метров! Яркие насыщенные тона… красный, синий, оранжевый, голубой… прямо радость на душе! В золоте, звенят браслетами, сизый дым… благовония везде! Ваниль, сандал, кориандр… Я три

дня чихал, пока привык. Базарчики, горы фруктов… краски обалдеть! Сумасшедшие колера! Галдеж, гомон и коровы на улице… прямо в Дели! С колокольчиками и золотыми рогами! И не боятся ни хрена, лежат себе поперек улицы, их угощают… банан, кусок дыни, лепешка. Темно-коричневые, шерсть блестит! Жуют, глаза бархатные… Корова как идея красоты, а не кусок мяса. А в храм можно только босиком, мрамор от солнца раскаляется, надо прыгать… обжег ногу на хрен, потом хромал целый день. Полно статуй богов, запахи опять аж до слез, струйки тянутся к потолку. Приношения горкой – рис, цветы, разноцветные нитки, бусы. И лингам! – Дима понизил голос. – Знаешь, что такое лингам?

– Знаю, – сказал Лапик. – Камасутра, секс как искусство…

– Точно! И перед ним тоже гора подарков, просят детей и мужской силы, представляешь? Храм любви… Ну, скажу я тебе… тысячи лет, кто построил, не знают, в джунглях… обезьян полно, так и кидаются, одна сперла у меня очки, покусала и выбросила! Там такие позы… я глазам не поверил! Акробатика! – Дима оглянулся на дверь спальни. – Наш секс и близко не стоял! Все другое, даже глазам больно. Храмов полно, сумасшедшая древность! Бродячие факиры с коброй, и она танцует… жуть! Говорят, им зубы вырывают. Глаза разбегаются, привез рисунки… сотни три…

Скрипнула дверь, и появилась сияющая Эля в голубом платье! Мужчины уставились одобрительно; Эля, сделав книксен от смущения, сказала:

– Вообще-то оно летнее! Как я вам?

– Элька, это твое! Димыч, молодец! – похвалил Лапик. – Прекрасное платье… и эти бантики на плечах! А вышивка…

– Бретельки можно поднимать и опускать, – сказала Эля. – Очень удобно.

Она стояла перед ними как на сцене, тощенькая, с очень белой кожей и взъерошенными перышками на голове, разведя руки в стороны, напоминая страшненькую дизайнерскую куклу. Дима вытащил из кармана штанов синий атласный мешочек и вытряхнул на ладонь бусы, сверкнувшие в бликах камина, протянул Эле:

– Это тоже тебе! Аметисты и сандал. Камни практически нешлифованные и резные бусины…

Эля ахнула:

– Какая прелесть! Димочка, это же страшно дорого! – Она надела бусы, потянула носом: – Как пахнут! И тяжелые…

– Не очень дорого, там сухой закон. За банку отдают полбазара, – простодушно объяснил Дима; Лапик ухмыльнулся. – Артур меня чуть не прибил! Он считает, что от заразы надо было принимать прямо с утра. А я как увидел… это шедевр! Какой-то уличный торговец, за копейки! И фигурок полно, будды, слоны, божества из нефрита, сандала, мрамора… Я выменял Ганеша с головой слона! Из мрамора. И бусы тоже себе взял, сейчас! – Он достал из кармана еще один атласный мешочек, красный, вытащил бусы, надел. – Разноцветный агат. Он мне еще серьгу подарил, надо будет проколоть ухо. Мы типа подружились… маленький, черный, зубы белые…

– Одну?

– Ну! Одна даже интереснее. Хороший народ, смеются, спрашивают откуда… Нищих много, живут в коробках… мы проезжали на автобусе. – Дима вздохнул. – Элька, не замерзнешь?

– Нет! – Эля уселась на диван. – Шикарно смотришься в бусах, Дим. А мне вина? Теперь хочу рисунки!

…Они рассматривали, Дима объяснял:

– Это Тадж-Махал, Агра. Один как будто висит в воздухе, другой отражается, вон длинный водоем, как в зеркале. Построил царь Шах Джахан в честь любимой жены Аз-Мумтаз. Любовь была страшная, двадцать детей! У чувака целый гарем, а он всю жизнь любит одну. Аж мороз по коже. Попросил сына построить ему такой же, только черный, напротив. Тот обещал, но не построил. Я бы лично делал сразу на двоих, детям пофиг. Белый мрамор, инкрустация кабошонами… аметисты, гранаты, опалы, причем внизу выковыряны, куда народ лапами достал. Я как сел на траву, так сразу и отключился. Нирвана! Нет таких слов, понимаете? Я и Тадж-Махал. Ничего не соображал, только смотрел… челюсть

отвесил. Говорят, симметрия до миллиметра, я вообще-то не люблю, но… но… не передать! Спустился в подвал, там ее гробница, а рядом его, сдвиг в симметрии. Я и понятия не имел, что там правили моголы, Агра была ихняя столица. Думал, всю дорогу индусы. Арик сказал, если я сию минуту не встану, он уедет на фиг один. Я его послал и хотел остаться на ночь, говорят, в лунном свете нереальная фантастика, но там закрывали и нас вып… вывели. Шел и оглядывался… до слез! Поклялся себе, что вернусь! Подохну, а вернусь!

Дима прерывисто вздохнул; Эля погладила его по голове…

– Это корова! Это дормен в униформе, это женщина из гостиницы, увидела, что я набрасываю, остановилась… улыбается. Это Арик в гирлянде, хотел снять, сказал, что выглядит как идиот в цветочках. А я свою носил до вечера. Это свадьба… невеста в красном, море цветов… Это слон! Арик катался, говорит, страшновато, высоко и качает! Здоровый такой слонище, сверху ковровая попона и будка с сиденьем, всё в бусах, гирляндах… культ животных! Вот Арик наверху, вцепился, морда кислая. Это обезьяны, мелкие, как кошки, шустрые, так и сигают. Трогать нельзя, священные твари, верещат, прыгают… в любом парке десятки! Говорят, съедают половину урожая. Это Красный форт, дворец… не помню чей, там их полно. Храм! А вот это… Кто знает, что это?

– Железная колонна, должно быть, – сказал Лапик, рассматривая набросок. – Кутб-Минар.

– Точно, – разочарованно сказал Дима. – Откуда ты знаешь?

Лапик загадочно улыбнулся и промолчал.

– Он у нас все знает, – сказала Эля. – Страшно умный. Эн-цик-ло-пе-дист. А что за колонна? В чем прикол?

– Полторы тысячи лет, и не поржавела. Чистое железо! Говорят, из космоса. Получить такое на Земле нереально даже сейчас.

– Ага, интересно. А настоящего йога видел?

– Видел! Красавец мужик, аж не верится, что такие бывают, весь в белом… глазищи, брови, стать… Как глянет, аж мороз по шкуре! У нас в гостинице был прием, ну, там фонтан, живая музычка, снэки… Рассказывал про йогу, говорит, хрен у вас в Европе, а не йога, разве что нос полоскать соленой водой от насморка. Генетика не та, дух не тот, мозги тоже не те… сильно много суетитесь и жрете!

– Между прочим, я состоял в обществе Рериха, – заметил Лапик. – Еще студентом. Люблю его картины.

– Ну да, ничего, – согласился Дима. – Передают атмосферу. А еще танцы! Ну совсем не так себе представлял! Думал, вроде фольклорного балета, а на самом деле крупные тяжелые тетки, бьют босой пяткой в пол, аж гудит все! Браслеты звенят, колени полусогнуты… пластика сумасшедшая! Даже глазами танцует! Я ее тоже набросал… в разных позах! Танец как тяжелая работа, ритуал… и древность страшная! – Дима нашел рисунки. – Вот!

Некоторое время Лапик и Эля рассматривают рисунки танцовщиц…

– Я тоже представляла их иначе, – сказала Эля. – А чем вас кормили?

– Рис, баранина с овощами, буйвол… все горит, глаза на лоб вылазят! Я как хватанул в первый раз, думал, все, хана! Еле отдышался. Потом привык. Картошка у них тоже есть, я и не знал, думал, один рис. Хлеб как полый шар, надкусишь, и воздух выходит. А манго лясси! Нектар! Между прочим, я вам приготовил блюдо, специально записал рецепт. Только, наверное, карри многовато, привез целую банку. Эль, доставай тарелки!

– Мы тоже кое-что прихватили! – Леонид поднялся. – Элька захотела шампанское и торт. Я пока вынесу на веранду, пусть остынет.

Дима достал из духовки казан с индийским блюдом и стоял, держа на весу; он крикнул Эле, чтобы достала блюдо, быстрее, а то горячо! Опрокинул казан над блюдом и потряс.

– Пахнет вкусно, – заметила Эля. – А какое мясо?

– Черт его знает, купил какое-то на базаре… вроде свинина. Главное – карри. Тарелки нашла?

– Нашла. Что еще?

– Овощи-гриль, купил в полуфабрикатах, еще копченое мясо и хлеб! Садимся!

– Знаете, если гостиница попроще, то можно сэкономить, так студенты катаются, – сказал Дима, когда они уселись вокруг журнального столика. – А пожрать можно и фрукты с базара, бананы, там, манго, лепешку купить. А воду надо в бутылках, заразы полно. Им ничего, а нас может прихватить. Арик снобяра еще та, гостиницы минимум четыре звезды, то, се, типа надо для представительства. Чаевые кидал нехилые, а когда обслуга расшаркивалась, мол, мистер, сэр, сааб джи, сенк ю вам до самого пола, он аж таял! Корчил миллионера, а они четко просекают, подыгрывают, а он и рад.

– Можно узнать, какова была цель вашего путешествия? – спросил Лапик. – С чего вдруг Индия? Твой Артур Головатый торгует антиквариатом, насколько я помню.

– Точно! У него магазин «Старая лампа», – вылезла Эля. – Я была!

– Ну да, антиквариатом. А сейчас хочет начать торговлю всяким барахлом, познакомился в инете с какой-то индийской компанией, они позвали, оплатили пять дней в Мумбае и перелет. А мы сначала в Дели и Агру за свой кошт, чтоб осмотреться, потом к ним. Я типа консультант, Арик в искусстве не шарит, и вкусы жлобские.

– Какие именно товары?

– Поделки из дерева и камня, украшения, фигурки, посуда… и еще что понравится. Платья, например.

– Думаешь, пойдет у нас?

– Хрен его знает! Если бы не поехал, ни за что не купился бы. А так… мне все у них нравится! Я подсказал кое-что, сумки из верблюжьей кожи, специи, четки из

сандала, шкатулки… шелковые платки тоже. Экзотика, одним словом. Арик считает, что пойдет. Посмотрим. – Дима помолчал. – Так! Все стынет, берем и накладываем! – скомандовал он. – Самообслуживание. Кому чего налить? Элька?

– Мне белое! Ну-ка, ну-ка, что за штука! – Эля попробовала бирьяни, охнула и замахала руками.

– Я же говорил, не хапать сразу, – сказал Дима. – Понемножку! На, запей!

– За возвращение! – Лапик поднял бокал с красным. – Завидую белой завистью, Димыч.

– Можем махнуть вместе, – сказал Дима. – Я по-любому туда вернусь.

– И я с вами! – сказала Эля охрипшим голосом, утирая слезы. – Хочу посмотреть на йога и Тадж-Махал. И на священных коров.

Они выпили.

– Арик тоже мылится… – обронил Дима, и что-то было в его голосе… что-то такое…

Чуткий Лапик уловил сигнал и тут же спросил:

– Как вы с ним уживались? Ты говорил, у него характерец… Нормально?

Дима ухмыльнулся; сунул в рот ложку с бирьяни:

– Между прочим, они кушают рис руками… даже в ресторане. Там чашки стоят, чтобы мыть руки, а он хлебанул! – Дима захохотал. – Ну как? Ничего?

– Очень вкусно, – похвалил Лапик. – Так что Арик?

– Арик-кошмарик… – Было видно, что Дима колеблется, это заметила даже простодушная Эля.

– Дим, что с Ариком? – спросила она. – Напился из чашки для рук – и что?

– Арик влюбился! – бухнул Дима.

– Как влюбился? – ахнула Эля, трепетно относящаяся ко всему, что касалось любви. – В кого?

– В индианку! Зовут Амрита или просто Рита.

– Бессмертная! – заметил Лапик. – Красивое имя.

– В самом деле влюбился? – уточнила Эля.

– Еще как! После Дели мы полетели в Мумбай… я не знал, что это бывший Бомбей! Говорят, индийский Чикаго, небоскребы, бизнес, мафия. Народу туча, под двадцать миллионов! Арика сразу ограбили, еще в аэропорту! Сперли мобильник. Ну, встретили нас, привезли в офис, всякие церемонии, Арик щеки надувает, господин Сингх в чалме кланяется, сели обсуждать… все такое. Чай подали какой-то особенный. Я особо не вникал, смотрел из окна, там шестнадцатый этаж, весь город как на ладони. Муравейник! Никакого сравнения с Дели и Агрой. Какой-то закопченный, улицы узкие, народу не протолкнуться, машин до фига. Шум, аж уши закладывает, машины сигналят, люди орут, зазывалы хватают за рукав и тянут в лавку, рекламы бьют по голове. И жара! Жарища просто дикая! И влажность, дышать нечем, с тебя льет в три ручья! Мы бегом проскочили по центру, для общего развития, и назад в гостиницу. А вечером прием у него дома… громадный домина, чисто тебе дворец, палаты, позолота, много цветов, благовония, деревья в кадках… Собралась вся семья, человек двенадцать, дети, родители, жена, сестры… живая музыка! Пригласили музыканта, инструмент вроде лютни, сидел на помосте, тренькал. Причем подают только воду и соки. Я думал, из-за жары, спросил, а господин Сингх сказал, религия не позволяет. «А у вас?» – спрашивает. У нас, говорю, тоже не позволяет, а как же! Очень приветливые, чувствуется, что не притворяются, и правда им интересно, и радуются. Старшая дочка… красотка! Зовут Малика. Глазищи во! Тоненькая, гибкая, косы до пят, малиновое сари и вся в золоте… Арик меня локтем, козлина, шепчет: «Веди себя прилично», – а я как идиот, смотрю и смотрю! Потом не выдержал, достаю из папки бумагу, карандаши… прикладываю руки к груди на ихний манер, кланяюсь, киваю на карандаши и на нее, можно? Они так смеялись! Подарил им набросок, они обрадовались, опять

смеются, рассматривают, кричат. Она сидит красная, глаза опустила, а потом как стрельнет в меня! Вернулись в гостиницу, Арик мне втык сразу, говорит, опозорил перед деловым партнером, пялился, а у них не принято. Девушка как девушка, ничего особенного, лично ему нравятся блондинки. Блондинки! В Индии!

– Так кто из вас влюбился? – спросил Лапик. – Ты или Арик?

– Арик, в Махабалипураме…

– Где? – переспросила Эля. – Это что?

– Городок на юге, вроде курорта. Господин Сингх предложил нам до отъезда отдых на океане, у него там бунгало. Арик разнылся, что это из-за меня, чтоб не пялился, гад. Мы и полетели. Я как увидел океан… – Дима сделал паузу и глубоко вдохнул. – Это же… охренеть! Песок и волны! Полоса почти белого песка на мили и пустой океан… один или два паруса на горизонте. И людей ни души. Нереальная жара, свободно дышишь только часиков в пять-шесть утра, потом сиди в бунгало и носа не высовывай. С закрытыми окнами. Бунгало из темного дерева, маленькие зеленые ящерки бегают по стенам и потолку… называются гекконы. А под вечер выползаешь на пляж и до утра на океане! На песок не ступить, раскалился за день… опять обжегся! – Дима помолчал от избытка чувств. – Это что-то! Не передать… Накатывает и уходит в песок… и так миллионы лет! Ш-ш-ш на берег и обратно! – Он сделал плавный жест рукой. – Как шепчет… Миллиарды! Сливается с горизонтом… В шесть вечера уже кромешная темень, потому что экватор! Без фонарика до бунгало хрен доберешься. И звезды! Таких звезд нигде больше нету! Низкие, большие, можно потрогать… это… это полный абзац! Ни земли, ни верха, ни низа… одни звезды. Куполом над тобой! А ты… ты никто, букашка, но тебя впустили, понимаете? Такое чувство… летишь среди звезд! Тебе разрешили посмотреть! И благодарность… прошибает аж до слез! В океане светляки как звезды, волна накатывает, они гаснут, откатывает, и сразу новая… как будто он дышит! И опять звезды до горизонта… непонятно, где океан, а где небо. Иногда падают… летят в океан и тонут…

Дима снова замолчал; Лапик и Эля тоже. Лапик налил вина:

– Предлагаю выпить за возвращение!

– Я вернусь! – убежденно сказал Дима. – Похалтурю годик и вернусь!

Они выпили.

– Так в кого он влюбился? – напомнила Эля.

– В гидессу Амриту. Пошли купить экскурсию, а там она. Арика прямо заткнуло, рот открыл, забыл все английские слова… – Дима ухмыльнулся. – Готов! Причем не блондинка.

– Красивая?

– Потрясающая! С зелеными глазами, в зеленом сари, звенит браслетами, улыбается. Фигурка точеная. А походка… офигеть! Песня! Арик сразу мозгами двинулся, начисто башню снесло. Они потом все время за руки…

– Красивее Малики?

– Малика девочка, а Рита вамп! Была с нами весь день, и следующий, и еще, до самого нашего отъезда. Там две спальни, у меня своя, ну а они…

– Она осталась с вами на ночь? – ахнула Эля.

Лапик рассмеялся:

– Она, надо думать, осталась с Ариком. Взрослые люди…

– Но ведь он женат!

– Ты, Элька, как ребенок, честное слово! При чем тут жена, если любовь? Он не предлагал ей уехать?

Дима пожал плечами:

– Я бы не удивился, если честно, он совсем слетел с катушек. Хотел остаться, но потратился, пришлось возвращаться. А здесь снег с дождем все время. – Дима

вздохнул. – И пробки вырубило.

– А она тоже влюбилась? – спросила Эля.

Дима пожал плечами:

– Ну, наверное. Я не хотел им мешать, спал на лежаке на пляже. В семь утра окунался… вода как из чайника! Потом шел в кафе, брал чай и лепешку, ничего больше в горло не лезло. Потом ходил по городу… по паркам, смотрел храмы… Перебежками из тени в тень. У них там падающий камень, громадный валун! Сейчас! – Он порылся в кипе рисунков, лежащих на полу под столиком, вытащил один и протянул: – Вот! Как он там висит… черт его знает! Должен упасть, но почему-то висит. – Эля и Лапик некоторое время рассматривали рисунок с падающим камнем. – А вечером снова на океан и до самого утра. Один! Лежал, смотрел на звезды, и такое счастье накатывало… Их почти не видел. Предложил ему остаться еще на неделю, так этот придурок хлопнул все бабки… сдуру купил камни!

– Какие камни? – спросила Эля.

– Два сапфира, рубин и изумруд. Признался не сразу… да мы почти не виделись. Как оказалось, какие-то особенные, страшно дорогие, по двадцать карат…

– Он собирается торговать камнями?

– Черт его знает, что он собирается. Говорю же, я только потом узнал, все втихаря, тайком. Там с десяток бунгало, отдыхают богатые. Приехал ювелир, привез одному камни, как договаривались, а клиент передумал. Он рассчитывал на сделку, летел из Мумбая, а тут облом. Оказалось, знакомый Риты, они столкнулись в ресторане. Арик попросил показать… ну и купил, тот уступил пятнадцать процентов. И мы полетели на хрен домой.

– А что он с ними собирается делать? Продать?

– Понятия не имею. Теперь уже по барабану, потому что…

Они вздрогнули от стука в дверь; переглянулись.

– Ждешь кого-нибудь? – спросил Лапик.

– Деда Мороза с подарками! – хихикнула Эля, наливая себе вина.

Дима поднялся и пошел открывать. Хлопнула дверь, по дому промчался холодный сквозняк, и метнулось пламя в камине; Эля потянула на себя плед. Вошел Арик, увидел гостей и встал на пороге как вкопанный.

– Проходи, – сказал Дима, подталкивая в спину непрошеного гостя. – Все свои.

– Добрый вечер, Эля! Леонид! – опомнился Арик. – Ничего, что я так, наскоком? Не ожидал, думал, забегу на минутку, узнать, как и что… поговорить.

– Ага, проходил мимо, – фыркнул Дима. – О чем говорить? Вроде уже все обсудили, с тобой все ясно.

– Ну… вообще. Как у вас вкусно пахнет!

Лапик встал, принес из кухни табурет:

– Садись, Артур. Димыч рассказывает про Индию, мы дружно завидуем. Решили тоже смотаться по свободе. Как тебе поездка?

Тот пожал плечами и пробормотал, что хорошо. Эля и Лапик переглянулись. Обычно самоуверенный и шумный Артур был не похож на себя. Эля вскочила и побежала на кухню; вернулась с чистой тарелкой.

– Вина будешь? У вас там в Индии сухой закон, отвык небось? – пошутил Лапик.

– Димочка приготовил национальное блюдо… забыла, как называется. Вкусно! Я тебе положу. Ты видел его рисунки? Потрясающе! И вот это платье тоже он! – Эля одернула обновку на груди. – И еще бусы! Аметисты и сандал, запах с ума сойти!

– Ага, бусы, – произнес замороженным голосом Артур. – Мы тут решили устроить у нас индийский фестиваль, летом. Почти договорились, пригласили гостей. Индийский базар, сувениры, еда, одежда… бусы тоже. Из натуральных камней.

Танцы, музыка, кино…

– Класс! Дима сказал, ты купил какие-то необыкновенные камни, – не выдержала Эля.

Артур затравленно взглянул на Диму, тот пожал плечами.

– Покажешь?

– Нету камней, – после продолжительной паузы сказал Артур. – Забрали на таможне. Оказывается, у них там какие-то драконовские правила…

– Как забрали? – ахнула Эля. – Правда? – Она уставилась на Диму: – Ты не сказал!

Дима снова пожал плечами.

– Димка, я же извинился! – закричал Артур. – Сколько можно! Мне и так хреново, а тут еще ты… в позе! Я же все объяснил! Идиотское недоразумение! Сам не знаю, как это получилось… честное слово!

Эля и Лапик снова переглянулись. Дима загадочно молчал. Неловкая пауза затягивалась. Артур сидел красный, взъерошенный, переводил взгляд с Лапика на Элю, словно прося о поддержке. Лапик пробормотал:

– Ребята, если у вас там что-то… Нет, ну не хотите, не надо, мы понимаем. Надо прийти в себя… совершенно чужой мир, культурный шок… Помню, читал еще студентом роман «Поездка в Индию», фильм тоже есть, замечательный![1 - Речь о романе английского писателя Эдварда М. Форстера «Поездка в Индию».] Об отсутствии точек соприкосновения между Востоком и Западом, о непонимании белым человеком их культуры, ментальности, об осознании собственной чуждости их миру… И стихи учил в университете, до сих пор помню! – Он продекламировал нараспев:

О, Запад есть Запад,

Восток есть Восток,

и с мест они не сойдут,

пока не предстанет Небо с Землей

на Страшный Господень суд…[2 - «Баллада о Востоке и Западе» английского писателя Редьярда Киплинга.]

Замолчал, разлил вино и поднял бокал:

– За Индию!

– Мы уже пили за Индию, – напомнила Эля. – То есть, по-твоему, мы не способны их понять?

– Разве что поверхностно. Бусы, платье, фигурки богов. Как сказал ученый йог, на уровне полоскания носа. Я считаю, культурные барьеры непреодолимы, что тогда, что сейчас. Но это мое мнение, возможно, кто-то не согласится. Если за Индию уже пили, давайте за любовь.

Тост возражений не вызвал, и они выпили.

– Арик, в какой он позе? – Эля умирала от любопытства. – Что случилось?

– Он сунул мне в сумку свои чертовы камни, и меня свинтили таможенники! – бухнул Дима басом.

Эля всплеснула руками и повернулась к Артуру. Лапик неопределенно улыбался и рассматривал свой бокал.

– Кто же знал! – закричал Артур. – Все чеки в порядке! Положил к Димке, сумки одинаковые… случайно. Не знаю, как это получилось. Мне говорили, все нормально: что купил, то твое. Честное слово!

– Ага, одинаковые! – фыркнул Дима. – Не надо нас дурить! Меня чуть в каталажку не упекли. Влепили бы пять лет за контрабанду… Всю жизнь мечтал об индийской тюрьме.

– Краденые? – спросил Лапик.

– Да нет, какие-то суперценные, туристам не продают… национальное достояние.

– В смысле, не продают? – удивилась Эля. – Моя знакомая накупила у них кучу ювелирки!

– Продают, но не такие, эти какие-то особенные, и цена… – сказал Артур. – Свои могут купить, а туристы нет. Из Египта, например, нельзя везти кораллы… Вот они и забрали, жулики! Слава богу, без последствий. Но деньги не вернули. Держали Димку целый час, я уже не знал, что и думать, весь на нервах!

– Ну и пошел бы признался, что камни твои! – сказал Дима.

– А ты не сказал? – спросила Эля.

Дима дернул плечом…

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – сказал Лапик примирительно и поднял бокал. – Все хорошо, что хорошо кончается, как говорят англосаксы. За нас!

Артур выпил, раз, другой, оттаял и пришел в себя. Расхвастался, что он теперь там свой человек, его принимают как родного и бизнес-перспективы впечатляют! Намекнул на приятные перемены в жизни, вспомнил про индианок, закатил глаза…

Эля притулилась в уголке дивана и задремала. Лапик принес с веранды шампанское и торт, Эля проснулась и захлопала в ладоши. В разгар праздника Артуру позвонила жена, он умолк на полуслове и засобирался домой. Дима иронически хмыкнул. Лапик взглянул на часы.

– Мы остаемся, – с нажимом сказала Эля. – Хочу шампанского!

Артур ушел. Дима поставил чайник и подбросил дров в камин. Лапик потянулся за бутылкой, хлопнула пробка, и Эля взвизгнула…

– Хороший торт, – сказала она, отрезая себе изрядный кусок. – Мой любимый, «Метро». А шампанское холоднючее! Замерзла… Дим, мне кружку побольше!

– Нелепая история, – сказал Лапик. – Даже не верится! Чтобы вот так запросто на таможне ограбили туристов… дикость! Хоть бы деньги вернули. Бедный Артур! Хотя поступок его, скажем прямо, выглядит сомнительным.

– Жлоб! Влюбился он… а как жена позвонила, сразу бегом! – осуждающе сказала Эля. – Камни, конечно, жалко.

– И все-таки… – задумчиво произнес Лапик. – Зачем ему прятать камни в твою сумку?

– Ну как ты не понимаешь! – воскликнула Эля. – Он его подставил! Сам везти испугался!

– И чего бы он добился? Ну, допустим, камни нашли, нарушили вы там какие-то их законы, и что? Ты бы сказал, что камни не твои, позвали бы Арика… Думаешь, он стал бы отрицать?

– Пусть бы попробовал! На камнях его отпечатки, – сказала Эля. – Вот гад! Он мне никогда не нравился. Как ты только с ним дружишь!

– Друг детства, – сказал Лапик. – Никуда не денешься. Тем более общий бизнес… – Он усмехнулся иронически.

– Ага, хапнул за бесценок «Испанца в кружевном воротнике», – сказала Эля. – Воспользовался тем, что крыша потекла и деньги нужны.

– Ну, я думаю, Димыч в долгу не остался, – заметил Лапик. – Дружба дружбой, а ухо держи востро.

– И все-таки я не понимаю…

– Подожди, Элька, – перебил Лапик. – Мне кажется, что-то не то в этой истории. Некая бросающаяся в глаза странность. Я склонен думать, Артур действительно перепутал сумки. Чего ему бояться, куплено честно, чеки есть, координаты ювелира… Димыч, согласен?

Тот сделал вид, что не услышал.

– Вам нужно было поднять хайп, а вы молча проглотили. Между прочим, туристу всегда вручают памятку, что можно вывозить, что нельзя. Ну, там антиквариат, животных… возможно, драгоценности. Надеюсь, вы ее читали?

– Ну как ты не понимаешь! – горячилась Эля. – Ты же им ничего не докажешь, да еще и в тюрьму посадят! Черт с ними, с камнями! Главное, все живы. Жалко, конечно, хоть бы одним глазком посмотреть…

Дима сунул руку в карман, достал замшевый мешочек и вытряхнул на журнальный столик четыре камешка:

– Смотри!

Эля вскрикнула и вытаращила глаза; Лапик приподнял бровь, внимательно посмотрел на Диму и снова перевел взгляд на четыре круглых, поблескивающих в бликах огня камешка: два синих, один красный и один зеленый.

Трещали дрова в камине, неровные розовые тени плясали на стенах; казалось, слышно, как лопаются пузырьки в бокале с шампанским…

– Ты что, грабанул Арика? – опомнилась наконец протрезвевшая Эля. – Дим? Как это… ты чего? Получается, они ничего у тебя не нашли? Это что, месть такая? Но ты же сам сказал, он не нарочно перепутал… Ничего не понимаю! Дим!

– Минуту! – Лапик забегал пальцами по экрану айфона. – Сейчас, сейчас… Ну вот! Как я и предполагал, нельзя вывозить слитки золота и серебра, животных, антиквариат и… – он поднял палец, – ювелирные изделия стоимостью более двух тысяч рупий!

– Рупия – это сколько? – спросила Эля.

– Это очень мало, поверь. Сейчас узнаем! Один доллар семьдесят семь рупий… значит, две тысячи примерно двадцать шесть баксов. Насколько я понимаю, эти камни стоят дороже? Или… что?

– Значит, все-таки нельзя было… – сказала Эля. – И что же ты делал у них целый час?

– Они его обыскивали!

– Почему его, а не Арика? Димыч, ты сказал, у тебя были две тубы с рисунками…

– Потому меня и дернули, – признался Дима. – Повытаскивали, стали рассматривать. Набежало целых пять человек, радуются, смеются… даже начальник приплыл, толстый, с усами как у Дали. Попросил нарисовать портрет, сидел весь такой важный, нахмурился, живот втянул. Очень благодарил…

– Значит, камни не нашли? – спросила Эля.

– Думаю, нашли. Нашли, Димыч?

– Нашли, – сказал Дима. – Всю сумку перекопали и нашли. В самом начале. Я прямо охренел, когда увидел! Еще до портрета.

– Нашли?! Как это? И отдали назад? Почему?

– Спроси у Лапика, он все знает, – фыркнул Дима.

– Лапик! В чем дело? Можете наконец сказать по-человечески? – возмутилась Эля. – Ничего не понимаю!

– А подумать? – спросил Лапик. – Своей головой? Существует одно-единственное приемлемое объяснение… ну-ка? Ты же у нас умная девочка… красный диплом, интеллект, детективы опять-таки читаешь в оригинале.

– При чем здесь детективы!

Лапик протянул ладонь Диме, тот, словно заключая пари, хлопнул сверху своей; теперь они оба выжидательно смотрели на Элю: Лапик иронически улыбаясь, Дима – приоткрыв рот.

– Ты хочешь сказать… – Эля осеклась.

– Ставлю «Абсолют», – сказал Дима; Лапик кивнул.

Эля взяла красный камешек, посмотрела через него на огонь в камине; потом через синий, зеленый…

– Они… ненастоящие?

– Браво! – Лапик захлопал. – Димыч, ты продул!

– Они так смеялись! – сказал Дима. – Чуть не подохли! Позвали остальных, рассматривали эти стекляшки, тыкали друг другу чеки, возбудились, а я ни хрена не врубаюсь! Только потом дошло…

– Хочу выпить! – потребовала Эля. Лапик вылил ей остатки шампанского; Диме и себе налил вина. – За истину! – Она выпила залпом и спросила: – А почему ты не сказал Арику?

– Что он должен был сказать, по-твоему? – спросил Лапик. – Его обманула любимая женщина? Ты правильно сделал, Димыч. По-мужски.

– В смысле?

– Элька, ты опять как маленькая! Отработанный прием: женщина-наводчица, ювелир-сообщник… Сколько он за них заплатил?

– Четыре штуки зелени!

– Круто!

– Не верю! Дима говорил, у них любовь.

– Любовь-морковь! А с другой стороны, что такое четыре тысячи для бизнесмена! Антикварная лавка, удачный бизнес… Я тоже был у него в «Старой лампе», имел удовольствие… как-то раз. – Лапик и Дима переглянулись; Лапик ухмыльнулся.

– Ага, удачный бизнес, – сказал Дима. – Правда, финансы Нинка контролирует, жена. Все сделки с ее ведома. Он купил камни для себя, ей говорить не собирался, а взять с карточки побоялся. У них все строго, это он только с виду такой крутой… Мы бы запросто зависли там еще на недельку, но лимит исчерпался. Если бы она узнала, сожрала бы с потрохами… тем более такой пролет. А у меня с собой вообще копейки…

– Бедный Арик, – сказала Эля. – Ты ее хорошо знаешь? Что она за человек?

– Нормальная тетка, учит меня жить. Всех строит, в доме идеальный порядок, обеды на белой скатерти, дети по струнке… У них два парня, пять и семь. Говорит, мне бы твой талант, я бы давно стала миллионершей. Требует, чтобы я писал портреты, обещает клиентуру. Как приду, всегда накормит, расспросит, выдаст цеу…

– А ты? Деньги всегда нужны, – рассудительно сказал Лапик.

– Нужны… Думаешь, надо ему сказать? – невпопад спросил Дима.

– Не надо, – сказал Лапик. – Ты прав, Димыч. Мало того, что потерял деньги, так еще и развели как мальчишку. Поверил, влюбился… обидно. Пусть думает, что только на деньги кинули. А память останется. Про Амриту…

– Ага, я тоже подумал… потому и не сказал. Он только вид делает, что весь из себя, а с ним девчонки не хотели дружить, ни в школе, ни потом… всю дорогу не везло! Женился на деньгах, а тут вдруг такая сумасшедшая любовь! Он с непривычки и поехал крышей, даже теперь сам не свой, видели? А она его… это самое! – Дима цыкнул зубом.

Лапик ухмыльнулся.

– Как вы можете! – вдруг выкрикнула Эля. – Может, она… эта Амрита, ни при чем! Вы циники! Не верите в любовь! Противно слушать!

Она закрыла лицо ладонями и расплакалась. Эля всхлипывала, ее тощенькие плечи тряслись; мужчины переглянулись; Дима кивнул на бутылку и закатил глаза…

– Эль, ты чего! – Лапик притянул ее к себе. – Мы верим, правда, Димыч? Честное слово! Куда ж нам без любви. Извини, это же только гипотетически, досужий треп! Ну дураки, согласен. Повторяю: мы с Димычем самые дурные дураки на свете! Увлеклись схемами… ты же знаешь нас, мужиков. Амрита ни при чем, это все жулик-ювелир. А она ничего не знала и тоже влюбилась… А что? Артур интересный мужчина, натуральный блондин, даже альбинос… экзотика для них. И загар красивый…

– Как у вареного рака, – встрял Дима.

– …и веснушки. Ну-ну, перестань, девочка, а то глазки покраснеют! – Он промокнул ей глаза салфеткой. – А теперь носик… дуй сильнее! Ну вот, умница, теперь полный порядок. А мы сейчас еще чайку, вон почти весь торт остался… твой любимый! Смотри, сколько орешков, а? Хочешь, наковыряю?

Лапик, ироничный и язвительный, прижимал Элю к себе, гладил по голове, ворковал и успокаивал ее как ребенка.

– Ну да, ага, влюбилась, сразу видно… было, – бубнил слегка подрастерявшийся Дима. – Он такой счастливый, и за руки держались все время… У него никогда такого не было, аж завидно! Ага, я чайник поставлю! Остыл. – Он вскочил и убежал на кухню.

– У тебя нет ее фотки? – спросила заплаканная Эля, когда Дима вернулся с закипевшим чайником.

– Есть! – Он поставил чайник на пол и достал из кармана айфон.

– Сколько у тебя добра в карманы влазит, – заметил Лапик.

– Вот! – Дима протянул Эле телефон. Она всмотрелась в картинку:

– Какая красивая… с ума сойти!

– Покажи, – Лапик взял у нее телефон. – Ну-ка! Да, хороша! – сказал он после паузы. – Повезло Арику. Черт с ними, с деньгами…

– Не верю, что она знала! – сказала убежденно Эля. – Она такая… Не верю!

– От красивых людей ожидаешь красивых поступков… – ни к кому не обращаясь, сказал Лапик. – Элька, ты мое чудо!

…Они пили чай и ели торт. Филька мурлыкал, лез под руку Эле и щекотал усами; она совала ему кусочки, и он глотал, не жуя.

– Жаль, Арик не попробовал! По-моему, он, бедняжка, даже похудел, – сказала Эля.

Лапик и Дима переглянулись. Дима открыл было рот, чтобы объяснить, почему именно похудел Арик, но, наткнувшись на предостерегающий взгляд Лапика, так и закрыл…

Они хорошо сидели. Покой и умиротворение снизошли на них, и любовь осенила их своим крылом. Горел камин, блики огня бегали по стенам как розовые гекконы; Лапик выковыривал из торта орешки и отдавал Эле; Эля кормила кота; Дима ел сам. Он машинально жевал, сидел задумчивый, погруженный в свои мысли, представляя, как вернется… Обязательно! Сначала в Агру, сядет на траву и будет смотреть на мавзолей. И останется там на ночь! Потом на океан, и снова будет спать на пляже под сумасшедшими звездами; потом… еще куда-нибудь… Индия большая! Пешком, автостопом, по старым монастырям и храмам.

У него даже слезы навернулись, и перед мысленным взором стали возникать по очереди то коричневая корова в цветочной гирлянде с красивыми большими глазами, то сказочные храмы с двориками из раскаленного на солнце мрамора, то шумная галдящая разноцветная уличная толпа и юркие рикши, то женщины в малиновых, желтых, зеленых и синих сари, улыбающиеся, в звенящих браслетах, с танцующей походкой… И где-то там среди них дочка господина Сингха, красавица Малика! Наверное, тоже вспоминает его, Диму. А ее портрет висит у них в гостиной на видном месте. И портрет начальника таможни с усами как у Дали тоже висит у него дома…

Дима вздохнул и долил себе чаю…

– Дим, а Малика у тебя есть? – вдруг спросила Эля.

– Есть, – не сразу ответил Дима. – В студии. Хотите?

Эля кивнула, и они пошли смотреть на Малику. С фонариком, потому что там света тоже не было. Они стояли и смотрели на Малику, а она с картины смотрела на них – смуглая, большеглазая, улыбающаяся, совсем еще девочка; в красном платье, с красным цветком в волосах, с красной точкой на лбу. Смотрела с легкой лукавинкой и так ласково, словно радовалась их приходу; глаза сияли в неярком свете фонарика, краснел цветок в волосах, сверкали золотые украшения на шее и в ушах…

– Дим, когда ты успел? – спросила Эля после продолжительной паузы. Она собиралась еще сказать, что Малика… ну да, миленькая, но ничего особенного, до Амриты ей далеко, и до красоток из Болливуда тоже, но, взглянув на Диму, передумала и промолчала…

Марина Крамер. Танго в дождливом городе

ответ я заставляю себя танцевать с ним снова, танцевать с тем, кто причиняет боль. Похоже на попытку улыбаться, когда удаляют зубы.

Капка Кассабова, писатель

– Я отлично знаю, как выглядит его жена.

– И нам это зачем?

– А ты не понимаешь, да? Всегда хорошо иметь небольшую страховку от разных непредвиденных ситуаций.

– А кто сказал, что он с собой ее привезет?

– Ты, когда по городу ходишь, на афиши внимания не обращаешь, нет? А там написано – «Международный турнир по спортивным бальным танцам».

– И нам с этого что?

– Вот я туда и съезжу, на красоту полюбуюсь. Или проще даже – по городу погуляю, а там, глядишь, и повезет мне.

– А дело как же?

– А это и будет часть нашего дела. Не понял?

– Нет.

– Ну и не надо. Сам все сделаю.

Я всегда любила перелеты – неважно куда. Привычная к поездкам и кочевой жизни с раннего детства, я до сих пор не избавилась от предпоездочного волнения, связанного со сбором чемодана, проверкой костюмов и кейса с косметикой. Не забыть туфли, положить стартовые книжки, взять щетку для подошвы, положить два больших флакона лака для волос – так сказать, себе и тому парню. Бальные танцы с детства приучают планировать, жить в режиме и графике, придерживаться – неважно чего – диеты, правил, традиций. Я живу этим с детства, люблю это и готова жить так всю жизнь.

Меня зовут Маша Лащенко, но никто с самого детства не зовет меня так – только Мария. Я занимаюсь спортивными бальными танцами, имею определенный (довольно высокий, скажу без ложной скромности) уровень и вхожу вместе с партнером в четырнадцать лучших пар страны. И в тройку – в своем регионе.

Всего этого мы с Иваном добились сами, без каких-то спонсоров, «лохматых лап», богатых родственников и прочего. Нет – мы с детства пашем как кони, пусть это и некрасивое выражение. Мы проводим на паркете по восемь-двенадцать часов, из зала буквально выползаем, волоча за собой сумки с мокрыми от пота тренировочными комплектами. Мы заслужили каждую медаль, что висит у нас в квартирах на стенке.

С каких пор все пошло наперекосяк? Если задать этот вопрос нам обоим, мы, даже сидя в разных комнатах, уверенно ответим: с того момента, как я вышла

замуж. Наверное, ошибку страшнее я никогда уже не сумею совершить, да и эту не исправлю, даже если разведусь. Развода мне никто не даст, а вот сломать жизнь, карьеру и угробить здоровье могут с легкостью. Мой муж Костя…

Нет, не хочу об этом, хочу о том, куда мы летим на этот раз.

Иван, кстати, отнесся с пониманием к моему замужеству, даже попытался выгоду извлечь:

– Ну, хоть бы охрану какую дал тебе, твой кофр бы самому таскать не приходилось.

Кофр с четырьмя платьями весит достаточно, чтобы от его тяжести болело плечо даже у тренированного Ивана, так что его мечты были вполне оправданными.

Итак, пять двадцать утра, аэропорт сибирского города, мы в очереди на регистрацию. Вылет через полтора часа, на табло светится задержка рейса. Прекрасно…

– В Санкт-Петербурге сильный дождь, – объясняет девушка на стойке регистрации. – Пулково пока не принимает.

– Но мы сегодня точно улетим? – интересуется Иван, шлепая на стойку наши паспорта.

– Улетите. Вопрос только в том, во сколько, – улыбается девушка, заметно покраснев, – мой партнер красавчик с темными волнистыми волосами, ухоженный и пижонистый, умеет обольстить с ходу любую.

– Печаль-печаль, – вздыхает Иван, забирая паспорта и посадочные талоны.

Кофры мы, поколебавшись, сдаем в багаж. Иван даже не поленился и обмотал их полиэтиленом, удивив меня заботливостью.

Коротаем время в кафе. Иван дремлет, откинувшись на спинку кресла и сложив на груди руки, а я строчу сообщения Марго – единственной моей подруге,

живущей в Москве.

«Хочешь, я приеду?» – спрашивает она, едва узнав, что мы танцуем в Питере.

Это такой соблазн… мы давно не виделись, кажется, около трех месяцев, я безумно соскучилась. Конечно, я могу написать – да, приезжай, и она примчится первым же поездом, но мы все равно не сможем даже поговорить по душам, у нас довольно плотное расписание. Но можно и рискнуть…

«Приезжай», – быстро набрала я и нажала «отправить», пока не передумала. Марго хватит времени, чтобы купить билеты и завтра утром появиться в Питере.

Мы всегда останавливались в одной и той же недорогой гостинице совсем рядом с вокзалом, и она об этом знала, так что номер наверняка там и забронирует. Турнир для нас начнется только в субботу, сегодня еще четверг, так что лично у меня будет почти двое суток, чтобы вдоволь нагуляться по Питеру, пусть даже там дождь. Конец мая, уже тепло, а дождь… ну что такое дождь – вода с неба? Переживу.

Иван натянул на лицо капюшон спортивной кофты и откровенно захрапел, а я решила размять затекшие ноги и встала.

– Куда? – мгновенно отреагировал партнер, хотя секунду назад, казалось, крепко спал.

– В туалет! Со мной хочешь?

– Ладно, иди.

– Ой, спасибо, благодетель! – съязвила я, направляясь к лестнице, ведущей в полуподвальный этаж, где находились туалеты и даже была оборудована курилка.

Меня не покидало какое-то странное предчувствие неприятностей, даже сигарета не смогла отвлечь от этого. Я не очень хотела лететь на этот турнир – ныла травмированная не так давно спина, программа еще не совсем обкатана, мы только недавно изменили все вариации в танцах. Но Ванька был неумолим –

едем, и все тут.

– Зря, что ли, столько денег в костюмы вбухали?

Это было последним аргументом, и я сдалась. Собственно, пошив костюмов с некоторых пор стал для меня делом приятным – занималась этим в основном Марго, рисовала эскизы, подбирала ткани. Мне оставалось прилететь в Москву и сходить с ней пару раз в ателье для заказа и примерок, а потом Марго просто высылала мне готовый костюм при помощи службы доставки. Обладавшая тонким вкусом, Марго выстроила мой имидж так, что на паркете меня было видно сразу, в любой толпе, при любом количестве пар. Мы обрели индивидуальность, стиль, дополнив имевшийся у нас собственный танцевальный почерк, и это в целом пошло нашей паре только на пользу.

Поднявшись из полуподвала снова в накопитель, я решила немного побродить и размять ноги – сидеть придется еще очень долго, это не слишком полезно для мышц. И первый, кого я увидела, завернув зачем-то в небольшой отдельчик, где торговали нашими местными сувенирами, оказался мой супруг Константин Айвазович Кавалерьянц.

Он стоял в окружении троих своих подручных и выбирал какую-то ерунду. Обернувшись на стук каблуков – ну а как же, по-прежнему не может пропустить ни одной юбки! – Костя увидел меня и широко улыбнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Речь о романе английского писателя Эдварда М. Форстера «Поездка в Индию».

2

«Баллада о Востоке и Западе» английского писателя Редьярда Киплинга.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-ustinova/detektiv-v-puti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить